

**St.-Petersburg State University
Institute of History
Department of the History of Ancient Greece and Rome
Centre of Ancient Studies**

MNEMON

**Investigations and Publications on the History of
Ancient World**

Edited by Ed.Frolov

№ 14

**St.-Petersburg
2014**

**Санкт-Петербургский государственный университет
Институт истории
Кафедра истории древней Греции и Рима
Центр антиковедения**

МНЕМОН

**Исследования и публикации по истории
античного мира
Под редакцией профессора Э.Д. Фролова**

Выпуск 14

**Санкт-Петербург
2014**

ББК 63.3 (0) 32
М 73

Редакционная коллегия:

Д-р ист. наук А. Б. Егоров, д-р ист. наук О. Ю. Климов, д-р ист. наук О. В. Кулишова, канд. ист. наук А. Д. Пантелеев (отв. секретарь), д-р ист. наук Э. Д. Фролова (председатель), д-р ист. наук Ю. Б. Циркин, д-р ист. наук Н. С. Широкова.

Рецензенты:

Д-р ист. наук, проф. А.Ю. Прокопьев (С.-Петербург. гос. ун-т)
Д-р ист. наук, проф. М.Ф. Флоринский (С.-Петербург. гос. ун-т)

Мнемон. Исследования и публикации по истории античного мира: Сб. статей / Под ред. проф. Э. Д. Фролова. Вып. 14. – СПб., 2014. – 516 с.
ISSN 1813-193X

Очередной выпуск альманаха «Мнемон» выходит в юбилейный для кафедры истории древней Греции и Рима и всего исторического факультета (ныне – Института истории) год. Ровно 80 лет тому назад, в 1934 г., в Ленинградском университете был учрежден, а вернее, восстановлен исторический факультет, и тогда же была создана кафедра античной истории. Основное содержание сборника построено по традиционному плану. Значительная часть статей посвящена истории древней Греции, причем исследования касаются как частных сюжетов, так и принципиальной оценки целых исторических периодов (в частности, греческой архаики). Интересные статьи публикуются по истории эллинизма и древнего Рима. Специальные разделы посвящены античной культуре, а также темам источниковедения и историографии; особо надо отметить статью, посвященную незаслуженно забытому петербургскому антиковеду К. Хилинскому.

Альманах «Мнемон» предназначается для студентов и преподавателей гуманитарных факультетов, а также для всех, кто интересуется историей и культурой античного мира.

Редколлегия благодарит профессора А.Х. Даудова за содействие
в подготовке и издании альманаха

ББК 63.3 (0) 32

Адрес редакции:
199134 Санкт-Петербург, Менделеевская линия, д. 5,
Институт истории СПбГУ

© Авторы статей, 2014
© Институт истории
Санкт-Петербургского
государственного
университета, 2014

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Фролов Э.Д.</i> Вместо предисловия: Источник знания в науке об античности (к проблеме формирования специалиста).....	8
<i>Фролов Э.Д.</i> Кафедра античной истории СПбГУ (к 80-летию юбилею).....	13

I. Исследования по истории античного мира

1. Древняя Греция

<i>Суриков И.Е.</i> (Москва). Греческая архаика как историческая эпоха: современный взгляд. Первая половина (IX-VIII вв. до н.э.).....	27
<i>Жестоканов С.М.</i> Загадочная экспедиция Фрасибула Милетского.....	51
<i>Туманс Х.</i> (Рига). Мильтиад Старший как зеркало греческой колонизации.....	59
<i>Строгецкий В.М.</i> (Нижний Новгород). Взаимоотношения между Спартой, Афинами и Эгиной накануне Марафонской битвы.....	95
<i>Никитюк Е.В.</i> Декрет Феозотида: к вопросу об афинских <i>nothoi</i>	109
<i>Печатнова Л.Г.</i> Древние авторы о спартанской агонистике.....	119
<i>Шарнина А.Б.</i> Проксения в межполисных отношениях Эллады.....	129

2. Эллинизм

<i>Рунг Э.В.</i> (Казань). Военно-политическая деятельность Ментора Родосского.....	143
<i>Смирнов С.В.</i> (Москва). Пифон, Селевк и традиция Иеронима из Кардии.....	161
<i>Грушевой А.Г.</i> Два почетных декрета в честь Антиоха I (280-261 гг. до н. э.) (OGIS, 219, 222).....	171
<i>Нефедкин А.К.</i> Традиции военного дела эпохи Ахеменидов в Сасанидском Иране.....	185

3. Рим

<i>Кудрявцева Т.В.</i> Корнелиев закон и процесс Клуенция: магия in latenti.....	193
<i>Вержбицкий К.В.</i> Падение Сеяна (а был ли заговор?).....	203
<i>Портнягина И.П.</i> (Тверь). Луций Анней Сенека о системе воспитания и самовоспитания (теория и практика).....	211

<i>Смирнова Е.Л.</i> (Петрозаводск). Гражданские войны 68-69 гг. и римский сенат.....	223
<i>Циркин Ю.Б.</i> Начало конца Западной Римской империи.....	231

4. Культура и религия античного мира

<i>Кулишова О.В.</i> Хор в древнегреческой драме: социально-политический контекст.....	253
<i>Пантелеев А.Д.</i> Маска в религиозной жизни древней Греции.....	259
<i>Светлов Р.В.</i> Платоновская концепция истории.....	277
<i>Васильев А.В.</i> К вопросу о времени появления маски в римском театре.....	291
<i>Дуров В.С.</i> Гастрономический опыт Горация.....	301
<i>Широкова Н.С.</i> К вопросу о романизации Британии: римский Марс и его британские эквиваленты.....	313
<i>Марков К.В.</i> (Нижний Новгород). Специфика употребления и смысловое содержание понятия <i>δημοκρατία</i> в сочинениях греческих авторов Второй софистики.....	337

II. Источниковедение и историография

<i>Карпюк С.Г.</i> (Москва). Взгляды Ксенофонта на патриотизм.....	347
<i>Скржинская М.В.</i> (Киев). Сочинения боспорских и херсонесских историков.....	357
<i>Звагольская А.К.</i> Об одном пассаже Кальпурния (Calp. VII, 57-72).....	377
<i>Данилов Е.С.</i> (Ярославль). Военные глоссы Веррия Флакка.....	387
<i>Дымская Д.Д.</i> Римский политик в трактовке Нового времени: образ Катилины в трагедии Бена Джонсона.....	395
<i>Тункина И.В.</i> Академик Е.Е. Кёлер о Березани, Ольвии и ольвийской периферии в дневнике экспедиции Императорской Санкт-Петербургской Академии наук 1821 г. по Новороссийскому краю.....	407
<i>Крульчик Ки.</i> (Познань). Константин Хилинский (1881-1939) – польский исследователь античности.....	419
<i>Кузьмин Ю.Н.</i> (Самара), <i>Макарова О.М.</i> (Самара). А.Е. Паршиков и история Афинской морской державы.....	443

III. Публикации

Мученичество Святых Максимы, Секунды и Донатиллы. Вступительная статья, перевод и комментарий А.В. Каргальцева.....	455
---	-----

IV. Хроника научной жизни

<i>Берзон Е.М., Кулишова О.В.</i> Вторая межвузовская студенческо-аспирантская конференция «Античность XXI века» (СПбГУ, 18 марта 2014 г.).....	465
---	-----

<i>Махлаюк А.В.</i> (Нижний Новгород). У истоков идеологии принципата (Токарев А.Н. Становление официальной идеологии принципата им- ператора Августа: монография. – Харьков: ХНУ им. В.Н. Каразина, 2011. – 268 с.).....	468
<i>Климов О.Ю., Холод М.М.</i> Христиан Милета: юбилей ученого.....	478
Памяти Константина Викторовича Вержбицкого (21.09.1973–15.09.2014).....	484
Аннотации.....	487
Abstracts.....	497
Сведения об авторах.....	505
Список сокращений	507
Contents.....	511

Р.В. Светлов

Платоновская концепция истории*

1. В данной работе мы постараемся тезисно реконструировать Платоновскую концепцию истории, особенно в том виде, в котором она сформировалась на завершающем этапе его творчества. На наш взгляд, эта тема еще не была предметом действительно всестороннего исследования, в котором учитывались бы не отдельные тексты основателя Академии, а максимально большее число примеров «исторической схематики» из его диалогов.

Конечно, отдельные стороны названной темы анализировались историками мысли и античной культуры. Среди отечественных ученых выделим работы А.Ф. Лосева, Э.Д. Фролова, В.А. Гуторова, имеющие важное методическое значение¹. Существенные наблюдения и гипотезы можно найти в трудах Д.В. Панченко², Е.Г. Рабинович³. За рубежом о «философии истории» Платона писали еще в классических исследованиях по платоновской политической теории, анализируя, впрочем, главным образом порядок изложения видов государственного строя в «Государстве» и «Законах»⁴. В «Открытом обществе и его врагах» К. Поппер даже рассматривает Платона как некоторого «историциста», вкладывая, впрочем, в это понятие весьма специфическое содержание. Как пример дискуссий о платоновской «философии истории» хотелось бы отметить статью В. Уэлша «Платон и философия истории. История и теория в “Государстве”». Автор критически рассматривает попытки приписать Платону близкие современным исторические концепции. Ему не нравится так же утверждение, будто универсальным историческим законом у Пла-

---

* Работа выполнена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда в рамках проекта: «“Золотой век”: мифологические историософия и социогенез в древнегреческой и древнееврейской традициях» (проект № 23.16.584.2014).

¹ См., напр., *Лосев А.Ф.* Античная философия истории. М., 1977; *Гуторов В.А.* Античная социальная утопия. Л., 1989; *Фролов Э.Д.* Факел Прометея. Л., 1989, особенно с. 405-419.

² *Панченко Д.В.* Платон и Атлантида. Л., 1990, особенно с. 166-170.

³ *Рабинович Е.Г.* Атлантида // Мифотворчество классической древности. СПб., 2007. С. 367-398.

⁴ Ср. *Nettleship L.* Lectures on The Republic of Plato. London, 1929. P. 299 sqq.

тона был закон деградации и разрушения. Порядок изложения видов государственного строя в «Государстве» не философия истории, но способ их систематизации. Платон здесь выступает не как историк, но как социальный мыслитель, считает автор данной статьи. По мнению Уэлша и об «историческом пессимизме» Платона можно говорить лишь в отношении ограниченного участка грядущего, связанного с завершением нашего «цикла» круговращения мироздания. В отношении более отдаленного будущего Платон и не оптимист, и не пессимист⁵.

В последние десятилетия зарубежные исследователи стараются читать Платона как литератора, обнаруживая нарочитую двусмысленность некоторых его суждений. Яркий пример тому – работы известного французского антиковеда П. Видаль-Накэ, известные российскому читателю по сборнику «Черный охотник (Формы мышления и формы общества в древнем мире)»⁶. Видаль-Накэ видит принципиальную двусмысленность «исторических» преданий Платона – как об Атлантиде, так и о круговращениях космоса. Точку зрения французского автора можно выразить в следующем тезисе: Платон моделирует некую псевдоисторическую ситуацию, чтобы показать своим согражданам неизбежность «атлантического» краха в случае сохранения того вектора развития афинского государства, которое оно имело в IV в. до н.э. То же касается и платоновского противопоставления «урбанистического» и «буколического» образов жизни: оба они на самом деле присутствуют в политической реальности – как модели, объясняющие разные стороны человеческого поведения. По мнению П. Видаль-Накэ, «псевдоистория» здесь лишь один из художественных и диалектических приемов Платона⁷.

Признавая, что «Платон проявляет себя прекрасным знатоком ремесла историка»⁸, ученые, таким образом, видят в нем в первую очередь метафизи-

⁵ Walsh W.H. Plato and the Philosophy of History: History and Theory in the Republic // History and Theory. Vol. 2. 1962. P. 3-16.

⁶ Видаль-Накэ П. Черный охотник (Формы мышления и формы общества в древнем мире). М. 2001. Особенно важны статьи: «Афины и Атлантида. Содержание и смысл одного платоновского мифа» и «Платоновский миф в диалоге «Политик»: двусмысленность золотого века и истории».

⁷ Схожий подход можно обнаружить в статье: Gill Ch. The Genre of the Atlantis Story // Classical Philology. Vol. 72. 1977. P. 287-304.

⁸ Панченко Д.В. Платон и Атлантида. Л., 1990. С. 166. Действительно, даже когда речь идет о совершенно фантастических событиях, вроде войны древних Афин с атлантами, Платон находит аргументы в пользу того, отчего его современники не могут обнаружить следов великого древнеафинского государства. Напомним, что Платон считал доисторические Афины земледельческим городом, располагавшимся на холме, который был смыт водами во время катаклизмов, сопровождавших гибель Атлантиды. Именно поэтому ни о каком «культурном слое» древнего града не может идти и речи.

ка, считая «исторические» его отступления не более чем метафорами, идеологическими прокламациями, пародиями (как иногда оценивают диалог «Менескен»). Никто не сомневается в существенности исторических примеров в текстах Платона. Но они трактуются современными исследователями не более чем способы иллюстрации отдельных сторон его политической и моральной доктрины⁹.

Одним из парадоксальных примеров такого отношения является мнение уже упомянутого Карла Поппера, выраженное в его «Открытом обществе...». Согласно Попперу Платон был «историцистом», то есть социальным мыслителем, который придерживался той точки зрения, что «всякое социальное изменение *есть гниение, распад или вырождение*»¹⁰. Вопреки этому гниению, считает Поппер, Платон пытался построить неуязвимое для истории государство. «В этом и заключалась цель, к которой он стремился. Добиться ее он пытался при помощи установления такого государственного устройства, которое было бы свободно от пороков всех других государств: такое государство не вырождается, потому что оно вообще не изменяется... Это – государство Золотого века, не знающее изменений»¹¹. Таким образом, констатируя наличие у Платона «чувства исторических изменений» (деградации), Поппер делает вывод о принципиальной антиисторичности его представлений об идеальном государстве и обществе.

Однако никто не будет отрицать, что Платон был внимательным и вдумчивым наблюдателем событий, происходивших при его жизни. Не так давно нам доводилось рассматривать тексты Платона как важное свидетельство об эволюции военного дела его времени¹². Вопреки Попперу посмеем утверждать, что изображение Платона как ограниченного консерватора, ужаснувшегося истории и ставшего певцом тоталитаризма, не способно передать природу его взглядов на историю

Под «концепцией истории» мы будем понимать мыслящее рассмотрение исторического процесса, а таковое Платону безусловно было свойственно. При этом, безусловно, мы не хотим как сравнивать учение основателя Академии с ветхозаветным или нововременным историзмами, так и пускаться общетеоретические спекуляции на тему уместности словосочетания «концепция (или философия) истории» в отношении античного автора. Нашей задачей будет описание формы и природы исторического процесса по Платону,

⁹ Ср. недавно вышедшую монографию: *Brasi D., de. L'immagine di Sparta nei dialoghi platonici. Il giudizio di un filosofo su una (presunta) pólis modello.* 2013. IPS, Bd. 33.

¹⁰ *Поппер К.* Открытое общество и его враги. М. 1992. С. 50.

¹¹ *Поппер К.* Открытое общество... С. 52.

¹² *Светлов П.В.* «Алебарда» Стесилая (Платон и античное военное дело) // КОИ-NON DORON. Исследования и эссе в честь 60-летия В.П. Никанорова. СПб., 2013. С. 358-368.

его взгляд на историю универсума – космическую и политическую (та и другая, как мы увидим, имеют у нашего автора несомненную внутреннюю связь).

Зачем Платону описание исторического ландшафта? Не углубляясь в тематику теоретической связи различных сторон его учения, каковая без истории была бы невозможна, укажем на причину, которая лежит на поверхности: история была важна как педагогический инструмент, как одна из сторон общей воспитательной программы. По большому счету история является средством удержания полисной идентичности, разрушавшейся во время и после Пелопоннесской войны в связи с общим кризисом традиционного полисного уклада жизни. К временам Платона существовала явная конкуренция нескольких «исторических» проектов. Наиболее древним был «гомерогесиодовский», напрямую связанный с традиционной олимпийской религией и системой воспитания (напомним о роли Гомера как «воспитателя Эллады»). Создателем другого проекта были Демокрит и Фукидид (возможно – еще Ксенофан), учившие о постепенном изменении общественного состояния человека и качества его жизни (от первобытности к процветающим гражданским коллективам). Этот «эволюционизм» получал немало подтверждений из исторических знаний, приобретенных эллинами в VI-V вв. до н.э., а так же опирался на натурфилософские спекуляции.

Платон не принимает концепцию прогресса (которая противоречила бы его метафизике), но он является и принципиальным критиком этики, теологии и мифологии, которую мы условно назовем «гомеровской». Во второй книге «Государства» Платон легитимирует свое право на рассказ исторического предания через учение о двух типах логоса: «У речи – двойной эйдос, один – истинный, другой – ложный» (Resp. 376e). Ложный логос, в свою очередь, делится на подвиды. Один из них – это выдумки о богах и героях в духе Гомера (критика которого продолжается и в III книге «Государства»), второй же – нравоучительный, «правильный» миф¹³, при помощи которого наш философ предлагает воспитывать граждан, чьи души временно или фатально не способны на философскую закалку. Эти рассказы, которые Платон порой называет «забавой» («Политик»), сплетаются у него во вполне целостную модель мирового исторического процесса, что и позволяет нам утверждать, что за «забавами» стоит вполне четкий идеологический посыл.

Думаем, Платон вполне одобрил бы аристотелевское различение творчества «историка» и «поэта»: «один рассказывает о происшедшем, другой о том, что могло бы произойти. Вследствие этого поэзия содержит в себе бо-

¹³ Совершенное непонимание природы мифа видно в той части сочинения К. Попера, где он переходит к прямой перебранке с Платоном: «Платон прямо признавал, что его миф о Крови и почве – это пропагандистская ложь». Более того, это – «оппортунистическая (ориентированная на выгоду) ложь» (Открытое общество... С. 183).

лее философского и серьезного элемента, чем история: она представляет более общее, а история – частное» (Poet. 1451b). История сказывается у Платона в дидактическом мифе, события которого могли бы – а, значит, должны были иметь место. В связи с этим исторические предания Платона не могут не иметь единой структуры и связанной последовательности.

2. И еще одно уточнение перед тем, как мы обратимся к изложению платоновской «историософии»: хотя самые известные примеры обращения к истории известны нам из т.н. зрелых и поздних диалогов Платона («Тимей», «Критий», «Политик», «Законы»), и «Менексен» здесь выглядит исключением, однако мы видим «исторические» рассуждения и в других текстах этого мыслителя – например, «Протагоре», «Лахете», «Государстве». В связи с этим, мы не станем заниматься выяснением датировки написания отдельных сочинений, входящих в «Платоновский корпус» (хотя никоим образом не отрицаем наличия этой проблемы). Признавая, что отказ от постановки вопроса о порядке написания диалогов делает наши рассуждения о платоновской «философии истории» несколько схематичными, мы, в качестве оправдания, сошлемся на известное место из зачина «Теэтета», где мегарик Евклид так описывает свою манеру написания диалогов: «Впоследствии, вспоминая на досуге что-то еще, я вписывал это в книгу...» (Theaet. 143a)¹⁴. Платон и сам записывал свои сочинения не за один раз, видимо, поэтому мы видим переплетение одних и тех же мотивов в текстах, казалось бы, относящихся к разным периодам его творчества. Так что приведенные слова Платона характеризуют, видимо, не только Евклида, но и его самого. И тогда едва ли будут удивительны достаточно многочисленные «анахронические» места в сочинениях Платона, которые принято называть «ранними», но которые дублируют манеру и тематику рассуждений «поздних» диалогов.¹⁵

3. Историчность платоновского взгляда на мироздание связана прежде всего с рассказом о создании Космоса. Здесь нельзя не упомянуть о дискуссии по поводу того, всерьез ли, или же аллегорически Платон писал в «Тимее» о создании космоса богом-демиургом. Если Аристотель или Плутарх Херонейский считали, что время, согласно Платону, имело начальную точку, то Крантор и Плотин полагали, что Платон говорит аллегорически. Согласно последней точке зрения, поскольку телесный мир принадлежит к сфере ста-

---

¹⁴ Правда, тут же Евклид заявляет, что он пользовался любой возможностью побывать в Афинах, чтобы расспросить Сократа о различных деталях этой беседы, но тогда либо все эти визиты могли происходить только в 399 г. до н.э., до суда или казни Сократа, в достаточно короткий промежуток времени, либо же перед нами очередное указание на особую «драматургию» платоновских диалогов, не признающих «исторической» последовательности событий.

¹⁵ Ср. *Золотухина А.* Место «Критона» в Платоновском обществе: некоторые замечания // Платоновский сборник. Т. I. М.; СПб., 2014. С. 141-159.

новящегося бытия (то есть рождающегося и гибнущего), рассказ о нем должен подражать процессу становления (отсюда появление фигуры мастера-демиурга и рассказ о последовательности его действий). Если мы принимаем буквальное прочтение «Тимея», тогда число прямых и понятных оборотов Космоса, о которых говорится в «Политике», должно отсчитываться от акта творения. В случае аллегорического прочтения «Тимея», число таких оборотов беспредельно.

Платоновская космогония строится на концепции уподобления телесного и душевного бытия бытию идеальному. Вечные и неизменные принципы разворачиваются в законы, которые управляют становящимся, изменчивым миром, однако не в состоянии полностью «поглотить» его изменчивость. Впрочем, сначала, сразу своего после создания, космос направлялся непосредственно самим богом¹⁶. Этот «век Кроноса» характеризовался противоположным нашему направлению «стрелы времени» (живые существа не стареют, но молодеют), землерожденностью людей, отсутствием войн, собственности, государств, необходимости заботиться о пропитании¹⁷.

Это состояние – совершенно неисторическое. Непосредственное управление со стороны благих демонов лишают человека необходимости в эросе, политике. История начинается, когда мир меняет направление движение и на смену идиллии приходит необходимость заботиться о пропитании. На смену непосредственности отношений с божеством приходит опосредование связей с космическим целым (политика и философия), на смену происхождению из земли – зачатие и родовые муки. И в этом новом «историческом» обращении мира важнейшую роль будет играть способность помнить и подражать тем урокам и движениям, которые заложил в мироздание его создатель. Способность, сохранить которую, правда, не может даже сам универсум.

Итак, после того, как бог перестает непосредственно направлять движение мироздания, космос разворачивает свой бег в противоположном направлении. Поскольку физические силы и движения, управляющие миром, начи-

¹⁶ Мы сознательно не углубляемся в анализ полемики вокруг «количества» и порядка веков и направлений кругообращения космоса, вызванной известной гипотезой Л. Бриссона и Кр. Роу о трех периодах движения мироздания, якобы зашифрованных в «Политике». В данном вопросе мы присоединяемся к традиционной точке зрения, выраженной, например, в статье А.Л. Верлинского: *Verlinsky A. The cosmic cycle in the Statesman myth // Hyperboreus. Vol. 14. 2008. P. 57-86.*

¹⁷ Идея прямого и «попятного» движения космоса встречается у Платона не только в «Политике». Вот что говорит в X книги «Государства» Лахесис, обращаясь к душам, которые готовы воплотиться в тела: «Эфемерные души! Вот начало оборота, гибельного для тленного рода...» И далее повторяет то важнейшее отличие, которое будет существенно для различия «царства Кроноса» и «царства Зевса» в «Политике»: «Ибо теперь не вы достанетесь даймону в удел, но сами его выберете» (617e-618a).

нают «сталкиваться» друг с другом, происходят всевозможные катаклизмы. После прекращения катастроф, лишенный непосредственного управления богов «мир начал двигаться стройно, что ему и свойственно, осуществляя попечение и власть над самим собою и над всем, что в нем содержится. При этом по мере он сил припоминал уроки своего демиурга и отца. Первое время он строго следовал им, но под конец – без должного внимания. Причиной этому была примесь телесности, с самого начала присутствующая в его природе, ибо он был приведен к нынешнему космическому строю из полнейшего беспорядка, к которому был прежде причастен» (Politic. 273 a-b). Когда происходит окончательная разбалансировка вращения Космоса, его создатель возвращается и вновь поворачивает «стрелу времени».

4. Отметим, что космологическую основу для концепции о регулярных катастрофах и поворотах движения космоса Платон наметил еще в «Федоне» (Phaed. 108e и далее). Именно там, на пороге смерти, Сократ рассказывает ученикам о земле как сфере (точнее, видимо, додекаэдра, одной из «платоновских фигур», максимально близких сфере¹⁸), имеющей на поверхности впадины, в одной из которых мы и обитаем. Небесный эфир – это воздух для обитателей возвышенных частей земли (к которым Сократ собирается присоединиться после смерти), наш же воздух для них – нечто вроде воды. В глубинах земли есть множество рек с огнем и влагой: в таком мироздании достаточно легко представить и «мировой пожар» и «всемирный потоп». Изменение в движениях светил заставляет небесный эфир спуститься с высших частей земли, и он сжигает здешний животный мир, для которого эфир слишком тонок и горяч. В свою очередь, когда боги желают очистить мир от избытка живых существ, отягчающих Матушку-Гею, они раскрывают врата подземных хлябей.

К теме всемирной катастрофы (в данном случае – водной) Платон возвращается в третьей книге «Законов». Последствия потопа живописуются им очень наглядно: «Итак, когда случилось это опустошение, дела у людей складывались так: кругом была необозримая страшная пустыня, огромная масса земли; все животные погибли, лишь кое-где случайно уцелели стада рогатого скота да племя коз. Эти стада и доставляли вначале пастухам скудные средства к жизни» (Leg. 677e)¹⁹. Дальнейшие рассуждения Афинянина (персонажа «Законов») представляются обыгрыванием темы «сельской политики» из Второй книги «Государства». В «Законах» Платон объясняет сам механизм формирования подобного общества: оно возникает по причине просто-

¹⁸ См. остроумное доказательство того, что Сократ в «Федоне» имеет в виду именно подобную форму Земли в работе *Coupric D. L. Heaven and Earth in Ancient Greek Cosmology*. Springer New York, 2011, P. 201-212.

¹⁹ Перевод А.Н. Егунова

ты жизни, вызванной скудостью средств к существованию и малочисленностью рода человеческого. Все это – результат потопа, одним махом уничтожающего плоды цивилизации, созданной «тысячами государств» (676b). Заметим, что в «Законах», как и в «Политике»²⁰, прослеживается четкое указание на то, что эти катастрофы связаны с направлением кругообращения мироздания. Благодаря указанию на прошлые несчастья Платон объясняет отмеченное «эволюционистами» прогрессивное развитие рода человеческого от примитивных к цивилизованным нормам жизни (которое касается, правда, только одного из исторических периодов). Первобытная простота была вызвана резким и катастрофическим изменением условий существования.

В «Тимее» египетский жрец так же говорит Солону, что небесные светила регулярно отклоняются от своих путей, и на земле то возникают уничтожающие все живое пожары, то ее заливают воды потопа (Tim. 22b-e). Космические катаклизмы лишают людей и знаний, и осознанной памяти о достопримечательном прошлом (исключение здесь – египтяне²¹). Однако припоминание о допотопном мире все-таки сохраняется в некотором рудиментарном или, как сказали бы в наше время, подсознательном варианте. А затем получает выражение в мифах, скрывающих под раздробленными и баснословными преданиями о предках реалии историю космоса и человечества (Polit. 269b).

Заметим, что не каждая из катастроф происходит обязательно во время разворота вращения космоса. Примером тому является потоп, связанный с историей Атлантиды, которая, впрочем, настолько хорошо известна, что нет никакого смысла приводить ее даже в кратком изложении. Выделим в этом сказании только три момента. Во-первых, оно изложено в особом цикле диалогов Платона («Тимей», незавершенный «Критий» и только лишь анонсированный «Гермократ»), началом которого является рассказ о создании космоса. Космогония и здесь предваряет легендарную историю и переходит в нее. Во-вторых, история атлантов повторят историю космического круговорота при «нашем веке»: как только «доля» божественной природы среди них истощилась, они «утратили благопристойность» и в них возобладал человеческий нрав (Crit. 121b). И если в «Политике» говорится, что

²⁰ Ibid. 680e: в «ту часть круговращения у них не было письменности...», а так же см. 782a-b, где говорится о всяческих «разворотах времен», приносивших в прошлом живым существам неисчислимы перемены.

²¹ См. Timaeus 23a. Кажется, что здесь Платон как бы поддразнивает нас, помнящих его критические рассуждения в «Федре» о письменной речи: египетские записи становятся едва ли не единственной нитью, соединяющей нас с прошлым. Однако, если внимательно читать «Федру», то видно, что Платон и не отрицал у записанного слова функции «памятки» о произошедшем (см. 275a): ведь египтяне записывали внешние события, а не путь самопознания, который осуществляется в момент философского поиска.

«бог, упорядочивший космос, видя безвыходность ситуации, в которой тот пребывает и, беспокоясь о том, чтобы, влекомый бурей и внутренним раздором, он не оказался в беспредельном море неподобного, вновь занимает свое место у рулевого весла» (Polit. 273e), то в «Критии» Зевс созывает совет богов, дабы объявить о каре, которую он собрался наложить на развратившихся атлантов (Crit. 121c). Различия в стратегии демиурга и Зевса связаны с различиями тех эпох, в которые они правят: Кронос непосредственно сам исправляет недостатки, а Зевс делает это опосредованно, дабы получившие урок атланты «протрезвели».

В-третьих, существенное место в «Критии» отводится древним афинянам, жившим под присмотром Гефеста и Афины, которые, как мы видим это из «Тимея», разгромили вторгшиеся в Средиземноморье армии атлантов. Именно им Платон приписывает совершенную память об «уроках» демиурга и сохранение правильных форм «опосредования» отношений с мирозданием (по крайней мере, до момента очередного катаклизма). Война с атлантами становится одним из легендарных подвигов, совершенных в прошлом Афинами, занимая свое место среди освобождения от владычества Крита, победой над амазонками и др., более современными (срв. «Менексен»), историями. В известной мере цикл подвигов афинян является для Платона той нитью, на которую он нанизывает исторические события как допотопного времени, так и времени после «атлантического» потопа. Дидактический и идеологический смысл этого приема очевиден.

Впрочем, афинские подвиги не мешают Платону видеть и другие примеры, достойные исторической памяти. В частности, более близкая (чем войны с атлантами и амазонками) историческая ретроспектива у Платона связана с событиями Троянской войны и нашествия дорийцев. По мнению Платона именно тогда на историческую арену выступила идеально организованная армия. Это была дорийская рать Гераклидов, завоевавшая после Троянской войны Пелопоннес: «Гераклиды считались лучшими правителями, нежели Пелопиды; затем и войско это считалось превосходящим по добродетели то, что пришло под Трою, ибо, победив троянцев, ахейцы в свою очередь были превзойдены дорийцами» (Leg. 685d-e). Впрочем, как и в случае персов, потерявших доблесть после смерти Кира Великого, эллины постепенно также утратили доблесть Гераклидов – и победы в Персидских войнах стали одним из последних ее всплесков. Позитивным примером для Платона продолжает быть Лакедемон, генетически связанный с той ратью Гераклидов. Однако «Законы» показывают нам, насколько ясны для их автора были исторические изменения, происходившие в спартанском обществе, все более отклонявшемся от идеалов времен легендарного Ликурга: именно поэтому ведет данный диалог Афинянин.

5. Историческое прошлое разворачивается у Платона не только в больших диалогах т.н. «позднего периода». Можно взять посвященный теме мужества диалог «Лахет», особенностью которого является то, что Сократ общается в нем с реальными историческими персонажами, участниками Пелопоннесской (и не только) войны, олицетворявшими различные версии полисного взгляда на гражданское значение мужества. Таким образом, проблема усмотрения эйдоса мужества (так и не разрешенная до конца в данном диалоге) помещается в «исторический» контекст и может быть примером оценки Платоном не только «большой» (всекосмической), но и «малой» истории. Одно перечисление персонажей показывает значимость диалога с точки зрения истории афинской гражданской идеологии. Помимо Сократа в нем участвуют: 1) два знаменитых полководца – Лахет (погиб под Мантинее в 418 г), Никий, эта «повивальная бабка» мира, закончившего Архидамову войну, погибший на Сицилии. 2) потомки не менее знаменитых политических деятелей аристократической партии прошлого – Лисимах (сын Аристиды) и Мелесий (сын Фукидида, будущий участник переворота 411 г). 3) сыновья последних, ради блага которых беседа и затеяна. Отметим, что названы они так же как деда – Аристид и Фукидид: таким образом, «великие тени прошлого» вполне ощутимо присутствуют при этой беседе. 4) Сократ и его антагонисты, которых олицетворяет, в частности, учитель индивидуального гоплитского боя и автор новинок в вооружении Стесилай. Стесилай, правда, остается за рамками беседы – о его искусстве вспоминают, о нем рассказывают анекдот (вполне возможно имевший под собой некоторую реальную почву), но не пускают на авансцену беседы. Несомненно, что Стесилай здесь выступает как проявление «модернизаторов» афинского общественного строя, а модернизация во время Пелопоннесской войны затронула все сферы жизни – и общественную, и художественную, и законодательную, и военную. Одновременно он – метафора софистов, с которыми Платон и в других диалогах сравнивает мастеров новых видов ведения боя и наемников («Евтидем», «Государство», «Теэтет», «Законы»).

Четыре группы персонажи образуют структуру: вопрошающие (Лисимах и Мелесий), слушающие (Аристид и Фукидид – имена подсказывают, что это не просто слушающие персонажи, но еще и оценивающие из своего более совершенного прошлого), обсуждающие и выдвигающие свои гипотезы о мужестве (Лахет и Никий), наконец – испытывающие, что такое мужество и знание (опосредованно Стесилай, непосредственно – Сократ). Это четырехчастная визуальная структура, столь любимая античными авторами (вспомним Аристотеля с его «крестом» физических противоположностей), является одновременно структурой исторического сказания.

Можно предложить следующую интерпретацию этих «исторических направлений». Молчащие Аристид и Фукидид обрамляют происходящее – из

седого славного прошлого и возможного славного будущего. Мелесий и Лисимах (последний ко времени диалога очень пожилой человек) – это вполне близкое прошлое, но уже утратившее мощь времен войн с персами, а потому нуждающееся в подсказке, в воспитателе. Никий и Лахет – давно умершие к тому моменту, когда Платон писал диалог, были вполне актуальными персонажами афинской истории времен окончания Архидамовой войны и последующих лет, т.е. для событий «Лахета» это – неизбежное будущее, судьба. Их поиск определения мужества – то, что вскоре предстоит Афинам. Он закончится поражениями при Мантинее и в Сицилии, а затем – грандиозной катастрофой 404 г. до н.э. (при всей личной «позитивности» и мужестве обоих персонажей). Стесилай и Сократ – то самое настоящее, которое, согласно Аристотелю, «почти» не является частью времени, т.к. оно налично всегда. В настоящем постоянно возобновляется борьба между разумом и имитацией космической разумности, между мудростью и софистикой. Софистика регулярно ставит себя в глупое положение – как Стесилай со своей «алебардой». Однако она не теряет привлекательности для тех, кто по-прежнему остается в «пещерном» состоянии и потому должна быть беспощадно разоблачаема.

Возвращение славы Аристида и Фукидида, вероятно, возможно. Афинский союз возрождается, и «Менексен», как мы уже указывали, демонстрирует традицию афинского героизма в период и после капитуляции 404 г. Возвращаясь от рассмотрения «Лахеса» к зрелому Платону, отметим, что последний настойчиво указывал, в каком направлении следует развиваться афинскому государству: место морской экспансии должно занять возрождение «сухопутных» нравов Древних Афин.

Скептическое отношение зрелого Платона к морской силе и морскому делу известно хорошо. Так, в «Менексене» утверждается, что самой славной победой греков над варварами была битва при Марафоне. За ней следуют морские битвы при Саламине и Артемисии, а на третьем месте – Платеи (Menex. 240e-241c). Но в «Законах» в ответ на слова Клиния «мы, критяне, считаем, что морская битва эллинов с варварами при Саламине спасла Элладу», афинянин отвечает: «Да, так считает большинство эллинов и варваров. Но мы – я и вот Мегилл – думаем, мой друг, что спасению Эллады положила начало сухопутная битва при Марафоне, а завершением его была битва при Платеях» (Leg., 706d-c). Поскольку «Законы» создавались на закате жизни и творчества Платона, можно предположить, что последней каплей, побудившей философа отказаться от «официальной» оценки истории своего города, стал Союзническая война 357-355 гг. до н.э., приведшая к распаду Второго Афинского морского союза, этой неудачной попытке дважды войти в одну и ту же реку. Основные военные действия во время данной войны проходили на море, состояли в разграблении вражеских берегов, высадке морских де-

сантов, морских схватках. Последнее большое сражение этой войны – при Эмбате (356 г.) закончилось неудачей и скандальным судебным процессом в Афинах, когда адмирал Харес подал в суд на двух других навархов, Ификрата и Тимофея, за то, что они отказались исполнить его приказ об атаке противника.

Все это очень напоминает слова Платона в «Законах» о том, что морское дело приучает народ к «частым высадкам с судов», которые оборачиваются поспешным возвращением на корабли при виде противника, к поиску «весьма сподручных и правдоподобных предложений при потере оружия и обращении в “почетное”, как они выражаются, отступление». Платон отмечает, что подобные выражения являются излюбленными на морской службе (Ibid., 706c).

Неоднократно отмеченный исследователями «сухопутный» разворот, настойчиво предлагаемый зрелым Платоном афинской политике, вполне соответствовал его социальной философии, ориентированный на город, где господствует экономика не-экспансионистского, «закрытого» типа, где граждане готовы к войне, но не ориентированы на военную агрессию (пример чему – жители Древних Афин).

6. Завершая обзор Платоновских взглядов на историю, еще раз вернемся к вопросу, был ли он историческим пессимистом, или же нет? С точки зрения нашей принадлежности к «зевсову» обороту Космоса он, безусловно, пессимист. Впрочем, думается, такого же рода пессимизм свойственен всем современным ученым, придерживающимся гипотезы о будущей «энтропийной смерти» Вселенной. Это – пессимизм отвлеченный, ибо он касается далекой перспективы, и никак не может налагать запрет на возможные попытки изменения политической реальности в настоящем, или вызывать ту ментальную панику «историцизма», каковую приписывал Платону Поппер. Мы склонны согласиться с упомянутым выше мнением Уэлша, что порядок описания видов политического устройства в «Государстве» – это не «философия истории», а, скорее, платоновский способ систематизации политических феноменов и причин их метаморфоз²². Данную мысль можно подтвердить, рассуждениями из «Политика» о том, при каком виде правления жить более комфортно (Polit. 302e-303b). Это рассуждение вовсе не предполагает политическую деградацию как неизбежную и единственную социальную тенденцию.

Таким образом, на нашем уровне – уровне «микроистории» – возможны различные политические сценарии, и мы хорошо знаем, сколь многие из учеников Платона стали активными участниками политической жизни эллинских государств в середине и третьей четверти IV столетия до н.э. Здесь, ви-

²² Рассуждения в VIII книге (546-547) о смене золотого, железного и медного поколений – демонстрация того, что даже самое наилучшее в нашем мире не может быть вечным, и не более того: прямая аналогия этому рассуждению – история атлантов.

димо, имеет смысл сослаться на платоновскую апелляцию к «божественному случаю», которую мы не единожды встречаем в его текстах. Даже в случае господства «тиранических душ» возможно некое удачное стечение обстоятельств, которое разрушает замыслы земных политиков, и которое может привести к власти мудрецов. Похоже, результатом обучения политической мудрости в Академии должна была стать обостренная интуиция божественного случая, создающего условия уместности вмешательства со стороны философов в политические события²³.

Впрочем, тема политической прагматики учения Древней Академии выходит за рамки настоящей статьи. Подытоживая сказанное, мы можем констатировать наличие у Платона (как минимум – зрелого периода) связной и последовательной концепции мировой истории, прямо проистекающей из его космогонических и космологических воззрений. Эта концепция, конечно, исполняла роль «большого мифа», имеющего своей целью перехватить «идеологическую инициативу» как у традиционного «гомеров-гесиодовского» взгляда на историю мироздания, так и у современных Сократу и Платону «эволюционистов». Но, вместе с тем, помимо исполнения дидактической функции, данная концепция показывала место политической инициативы со стороны союза философов как в «макро», так и в «микро»-исторической ретроспективе (и перспективе).

Список использованной литературы

- Видаль-Накэ П.* Черный охотник (Формы мышления и формы общества в древнем мире). М., 2001.
- Глухов А.А.* Перехлест волны. Политическая логика Платона и постнищенское преодоление платонизма. М., 2014.
- Гуторов В.А.* Античная социальная утопия. Л., 1989.
- Золотухина А.* Место «Критона» в Платоновском обществе: некоторые замечания // Платоновский сборник. Т. I. М.; СПб., 2014. С. 141-159.
- Лосев А.Ф.* Античная философия истории. М., 1977.
- Панченко Д.В.* Платон и Атлантида. Л., 1990.
- Поппер К.* Открытое общество и его враги. М., 1992.
- Рабинович Е.Г.* Атлантида // Мифотворчество классической древности. СПб., 2007. С. 367-398.
- Светлов Р.В.* «Алебарда» Стесилая (Платон и античное военное дело) // KOINON DORON. Исследования и эссе в честь 60-летия В.П. Никанорова. СПб., 2013. С. 358-368.
- Фролов Э.Д.* Факел Прометея. СПб, 1989.
- Brasi D., de.* L'immagine di Sparta nei dialoghi platonici. Il giudizio di un filosofo su una (presunta) pólis modello. 2013. IPS, Bd. 33.

---

²³ См. *Глухов А.А.* Перехлест волны. Политическая логика Платона и постнищенское преодоление платонизма. М. 2014. С. 423-427.

Couprie D.L. Heaven and Earth in Ancient Greek Cosmology. New York, 2011.

Gill Ch. The Genre of the Atlantis Story // *Classical Philology*. 1977. 72. P. 287-304.

Nettleship L. Lectures on The Republic of Plato. London, 1929.

Verlinsky A. The cosmic cycle in the Statesman myth // *Hyperboreus*. Vol. 14. 2008. P. 57-86.

Walsh W.H. Plato and the Philosophy of History: History and Theory in the Republic // *History and Theory*. Vol. 2. 1962. P. 3-16.

